

УДК 111

НЕБЕССМЫСЛЕННОСТЬ АБСУРДА И ОГРАНИЧЕННОСТЬ СТРОГОЙ МЫСЛИ

А.Н. Фатенков

Аннотация

В статье эскизно представлена онтогносеологическая концепция, основу которой составляют тезисы о том, что мир изначально полон смысла, а абсурд появляется в мире вместе с появлением человека; абсурд есть не бессмыслица, а странное сочетание смыслов, и ценность абсурда не только отрицательна, но и положительна: никакая мысль, даже самая строгая, не обходится без вкраплений абсурда. Утверждается, что сугубо рациональными средствами, в рамках преимущественно познавательного отношения к миру от абсурда не избавиться.

Ключевые слова: субъект, мир, человек, смысл, мысль, абсурд.

Мир либо сам есть субъект (и, стало быть, развивается из себя, на своей собственной основе), либо создан субъектной инстанцией. По-другому не объяснить ни возникновение жизни, ни появление человека. В любом случае мир изначально полон смысла: имманентно присущего или привнесённого. Смысл не существует сам по себе, он порождается и конструируется субъектом, обнаруживается, достраивается, сберегается и транслируется им. Смысл фиксируется, пребывая в неактуализированном состоянии, благодаря материальному носителю, который предоставлен ему живым существом, одушевлённым макро- и микрокосмом.

В ареале русской лексики легко угадывается: смысл есть нечто ближайшее к мысли, хотя не исключено, что корректнее именно мысль трактовать первой приближённой смысла. Он даёт возможность каждому субъекту обнаруживать, оценивать и понимать: себя – как себя, всё и всякое иное – как некое иное. Осмысление, оперирование смыслами не является исключительно рассудочным, интеллектуальным актом. Обнаруживать себя и многое другое можно через ощущения (удовольствия или боли, например). Оценивать некоторое иное можно инстинктивно, «по-звериному». Даже понимание может покоиться не на единомыслии, а на сочувствии, обоюдном желании, каком-то ином неререфлексируемом средстве душ (см. [1]).

В до- и внечеловеческом мире смысл синкретичен, почти тотален. Ведь «одно и то же для Единого живое и мёртвое... бодрое и спящее, и юное, и старое», «одно и то же благое и дурное» [2, с. 172, 158]. Кто-то по прочтении Г.В.Ф. Гегеля скажет даже, что «смысл бытия... ничем не отличается от самого Бытия, разве только тем, что у *смысла* нет *бытия* этого Бытия» [3, с. 676].

С данным утверждением, однако, трудно согласиться. Если смысл не бытиен, не обладает собственным бытием или, что вернее, не причастен бытию иного или иному бытию, то, похоже, он, смысл, вовсе не существует. А если и существует, то как нечто отрицающее, и отрицающее не столько всё иное, сколько само себя. Если же внутренняя негация тут не радикальна, направлена не на весь смысл, а на то, что отличает его от всего другого (на отсутствие «бытия Бытия» (в терминологии русско-французского неогегельянца), на безмолвие, преодолеваемое речью, криком, бормотанием, прочим звукоизвержением, на сугубо инстинктивное поведение животных, на неосознаваемое псевдочеловеческое поведение, на бесцельный или на корню отчуждённый труд), то, неоспоримо, смысл причастен какому-то, чьему-то бытию и бытию как таковому.

Желая иметь дело или соглашаясь в конце концов с фундаментальной расколотостью сущего и с человеком как воплощённой негативностью, А. Кожев усматривает атрибутивную черту исторической жизни людей в их стремлении и умении оторвать смысл от бытия, сущность от существования. Но тогда человек способен освободиться и от своей эссенциальной негативности. Пусть не вполне, пусть частично – ведь ему не перестать быть смертным существом, не перестать быть смертью, более или менее отсроченной и себя осознающей (см. [3, с. 681]).

Человек не отрывает концептуальное полотно от полотна бытийного, он не настолько наивен и опрометчив, не настолько радикален. Он дробит, мельчит концептуальную плерому, превращая окружающую среду в множество объектов. Человеческая обыденность – обнаруживать, изготавливать и обзрывать умом вещно-телесную и концептуальную мозаику: вот один объект, вот другой, вот комбинация их; вот одна идея, вот другая, вот сочленение их... И только в минуты, когда нас переполняет смысл, фонтанирующий или тишайший, разъятый мир, внутренний и внешний, вновь сглаживает свои рубцы и межи.

Чем строже мысль и требования к ней, тем отчётливее границы между составляющими её отдельными концептами, смысловыми узлами. Понятийно-категориальный язык традиционно почитается предельно строгим из тех, что не окончательно утратили связь с языками естественными. Для схватывания дробной реальности он, быть может, и подходит. Однако чем выше уровень континуальности предмета мысли, тем несуразнее притязания понятийно-категориального дискурса и тем проблематичнее адекватность, строгость самой мысли. Зеноновы апории, сформулированные при осмыслении феномена движения, упреки А. Бергсона в адрес «кинематографического» мышления, представляющего в нашем сознании чистую длительность как череду отдельных статичных кадров, авторитетно свидетельствуют об этом. Впрочем, и разрозненное сущее понятийно-категориальными структурами всецело объять невозможно. Ведь заранее неизвестны жизненные ситуации, в которых оказывается предмет мысли, и, стало быть, неизвестны все контексты употребления даже самых строгих логико-грамматических единиц. Возможно, вправду «слова – это решётка, сквозь которую мы вглядываемся в невыразимое» [4, с. 85]. И уж наверняка понятие – это только метафора, пусть и первого порядка, то есть образование с нефиксированным смысловым наполнением.

Решающий вопрос касательно строгости познавательной процедуры: мыслимо ли непредставимое? Думается, нет. Опираясь, к примеру, термином «круглый

квадрат», мы непременно содержим в своём сознании какой-то его образ. Вероятнее всего, динамическую композицию, в которой одна геометрическая фигура переходит в другую или обе они пересекаются и попеременно охватывают друг друга. Произнося какое-то звукосочетание, даже авангардистское «еуы», мы никогда не теряем из виду его буквенный слепок. Понятие небезобразно. В представляемом всегда содержится воображаемое. «Мыслить – значит воображать...» [5, с. 17]. Да, пусть самую малость. Строгость мысли не превышает строгости воображения. Прочая мысль пуста, бессмысленна. Она попросту отсутствует. «Хочешь быть философом, пиши романы» [6, с. 12]. Скромничаешь, испытываешь стеснение – блюди хотя бы диалектический канон. Он дирижирует не понятиями, не категориями, а идеями, предельно абстрактными и предельно конкретными одновременно.

Смысл идеален, он являет собой актуализацию идеального, которое, в свою очередь, есть сплошная потенция смысла. Гносеологическая трактовка идеального – как того, что принципиально не воздействует на внешние органы чувств познающего субъекта и, следовательно, не может быть воспринято ими, а обнаруживается лишь при помощи разума, интеллекта, – неудовлетворительна. Хотя бы потому (памятуя о единстве психических способностей субъекта), что приписываемая сенсорике недостаточность на самом деле, возможно, той не присуща, а провоцируется тем же мышлением, которое, очевидно, и само реагирует не на все идеальные структуры, а лишь на некоторые из них. Онтологическая трактовка, переход к коей напрашивается, должна увязать идеальное с неким субъектным процессом/состоянием, более ёмким и глубоким, нежели познавательная деятельность и деятельность вообще. Существовая, развиваясь, субъект вынужден подтверждать собственное существование и своё развитие, в силу чего он начинает соотноситься с самим собой, постоянно возвращаться к себе. Эти отношения – в пределе и в предельных смыслах – идеальны. Таково происхождение нематериальной сферы. Затем она расширяется за счёт не сугубо материальных отношений субъекта с окружающей его реальностью и с объективированными производными самого себя. Ещё раз: первым, исходным идеальным является не Я, а стремление, желание вернуться к тому, что может быть опознано как Я.

Природе не чуждо идеальное, из неё оно и проникает в человека, особым образом преобразовываясь в нём. «Любовь скорпионов предвещает Ромео и Джульетту» [7, с. 230]. К природным смыслам человеку всегда есть что добавить. Это никак не умалит порождающее начало, не обязательно возвысит начало порождаемое. Жизненная интрига – с взлётами и падениями, радостями и печалью – сохраняется. К божественным смыслам прибавить нечего: то было бы самонадеянно-кошунственным актом. Выходит, кто-то из нас двоих не субъект – объект манипуляций. Объективность мысли и истины – знак гордыни самозабвенного существа, симптом ложной аскезы. Подлинная мысль, безусловно, субъектна и личностна. В философии и литературе, как и в жизни (но не в науке), важно не только то, что утверждается, но и то, кто утверждает. И этот кто-то, выговаривая и отстаивая истину, должен быть готов ответить на выпад А. Рембо: «Послушай, Праведник, ты глуп, ты гаже суки! / Не ты страдаешь – я, посмевающий бунтовать!» [8, с. 119].

«Человек – это обезьяна, которая подчинила себя идеальному», – определяет Ф.И. Гиренок [5, с. 18]. Красиво, но не бесспорно. И да, и нет. Мы подчинены идеальному, потому что по своей воле не способны избавиться от разума (и только от него), напрямую имеющего дело с идеальной сферой. Если душа бессмертна, то устранить её и её способности надёжнее всего умерщвлением тела. Однако это будет говорить о примате материального над идеальным. Если душа бессмертна, то безумие по собственному желанию недостижимо вовсе. Мы подчинены идеальному, потому что с некоторых пор (конкретная дата тут не важна) мы заикнулись на познании мира, на обладании всеми его смыслами. И теперь нам всё ещё невдомёк: лишние смыслы столь же бездарны и неказисты, как и чрезмерные социальные контакты; избыточность доказательств подтачивает саму парадигму доказательности; самое дорогое для себя мы принимаем без объяснений – принимаем как есть, во плоти. Любят реальность, не идеал, а идеалом восхищаются (вернее, восхищаются собой, отражённым в совершенно-скользком зеркале идеала). Мы никогда не подчиняемся идеальному до конца. Случись обратное – человек напрочь утратил бы свою естественность. Физическое тело, над которым властвует идеальное, превращается в технический артефакт. Человек, становясь и оставаясь собой, провоцирует идеальное, перетряхивает его, отправляет в «комнату смеха».

Вместе с человеком и его смыслами в мир входит абсурд. Он являет собой не концептуальный вакуум, не отсутствие смыслов, а их обломки, мешанину и кентаврическое сочленение. Это справедливо в любом случае, даже при видимости пустоты, «поскольку единственный способ говорить ни о чём – говорить о нём так, как если бы оно было чем-то» [9, с. 118]. Человек, будучи не только природным, но и культурным существом, не вписываясь полностью в естественную среду обитания, разрывает её тотальность, сращённость материального и идеального в ней. Разрывает, чтобы вновь воссоздать, переосмыслив и перестроив мир на свой лад. Абсурд есть разрушение исходной гармонии и любой нынешней целостности ради выстраивания другой, желанной и нежеланной одновременно.

Вбирая в себя – посредством уже сложившегося языка – априорные жизненные смыслы, каждый из нас добавляет к ним свои, личные, экзистенциальные. Такого рода реконструкция и достройка принадлежат к числу атрибутивных способностей человека как субъекта. Словарные значения (казалось бы, самые выверенные) – всего лишь намёк, предпосылка для прикосновения к предельно содержательным и ценным значениям, для обретения их. Экзистенциальное приращение смысла, его личностная акцентировка всегда чревата появлением странных концептуальных композиций, зримо отличных от привычных, жёстко подчинённых истинностной норме. Всякая первая мысль – и филогенетически, и онтогенетически – абсурдна. Не случайно нам никогда её не припомнить, не воспроизвести. Она не подпадает под правила, но сама задаёт правила, образцы для всякой следующей мысли.

Абсурд – осмысленное и неистинное состояние, в котором пребывает некто, находится нечто. Отдалённость от истины заведомо не обесценивает абсурд, ибо значимость истины не безусловна. Во-первых, эвристическая прима – лишь одна из ценностей, причём отнюдь не всегда органично сопрягающаяся с другими: добром и красотой прежде всего. Во-вторых, не исключено, что истина,

как о ней писал Ф. Ницше, есть всего лишь особый род заблуждения, без которого люди не в состоянии жить (см. [10, с. 285]). Абсурд актуализируется, искрит в столкновении абсолютного (или его ипостаси, аспекта) – и безнадежно жаждущего быть таковым, в столкновении сущего как такового (или Вселенной, космоса, земного мира) – и человека. Абсурду не родиться в стычке сугубо человеческих смыслов с некой вовсе бессмысленной реальностью. Подобный дуалистический раздрай сущего (концептуально наделённого и обделённого), девальвируя истину и вуалируя ложь, продуцирует ситуацию тотального релятивизма, в которой какофония неотличима от эвфонии, безобразие, нелепица – от красоты, лепоты. Софистические выкладки – жалкая карикатура на мысль, ёмко схватывающую и передающую действительную несурязицу человеческой жизни, в коей причудливо правит «сила неутолимого желания дойти до конца и в то же время конец отрицающая» [11, с. 238].

Абсурд рождается в ситуации острейшей конфронтации, поляризации истины и лжи. Он не истинен, но и не ложен и рельефно оттеняет оба эти полюса. Для лжи он неустранимый обличитель. Ей не справиться с ним, ведь они схожи в своём намеренном искажении истины. Однако цели преследуют разные: ложь перечёркивает истину, абсурд подчёркивает её. По отношению к истине он выступает тем иным, которое должно и можно преодолеть, полностью преодолеть – в противном случае явится новая несурязица. Абсурд оказывается тем дальним по отношению к истине, которое становится вдруг в ближайшую близь к ней. При кажущейся анархии и разбросанности абсурдные смыслы цепко упорядочены и привязаны к обыденной и сверхобыденной реальности. Отрицание без отрицания – вот их доминирующая интенция. Тут нет какого-то революционного запала: неизвестно, есть ли к чему концептуально возвращаться или к чему стремглав рваться вперёд. Тут доминирует пафос бунта, быть может тупикового, чреватого падением в нигилизм. Возможно и расчётливое бунтарство, с планами получить максимальный доход при конформистском «отрезвлении» ума. Абсурд успешно мимикрирует, оказываясь двойником формально-логической истины бинарного дискурса и одновременно интерсубъективной заготовкой диалектической истины, самопротиворечивой на уровне общезначимости.

Абсурд – то, что лучше выговаривать из себя, нежели то, во что приходится вслушиваться. По крайней мере изо дня в день. Нелепость – то, как лучше выглядеть, нежели то, во что стоит всматриваться буднично-регулярно. Просмотр теле новостей без звука – абсурд. Просмотр со звуком и с собственными комментариями к услышанному – вдвойне абсурд и вместе с тем его отрицание. В абсурдистской логике двойное утверждение означает отрицание, пусть и не полное. Сценический абсурд не отражает, не копирует – перекраивает свой жизненный прототип, выводит его из равновесия. Отказ от просмотра теле новостей – нелепость. Отказ от собственной наблюдательности безотносительно к координатам наблюдательного пункта – вдвойне нелепость, пораженчество. В логике нелепицы двойное отрицание означает утверждение: не аподиктическое – безысходное. Ещё одна модальность суждений – необходимых и ценностно нагруженных, негативно нагруженных – обнаруживает здесь себя. Строка из «Записных книжек» Альбера Камю: «На абажурах из человеческой кожи – очень древняя

танцовщица с татуировкой между грудями» [6, с. 265]. Кто-то снял танцовщицу, снятием снявшего изготовили абажур. Натурально... Непоправимо...

Не всякая осмысленная и неистинная ситуация абсурдна, как и мысль, соответствующая ей. Абсурд исключает ложь во спасение. Потому он всегда граничит с цинизмом, который осмыслен и истинен, но ценность циничной, вульгарной истины невелика. Иначе с нелепицей. Она косвенно даёт нам понять, что достигнутая и обнародованная истина легко дискредитирует себя. Озвученная устами двурушника и негодяя, она моментально превращается в ложь, редуцирует себя к абсурду. Тот по своему усмотрению складывает чеканно-замшелые фразы, перемешивая вдобавок – произвольно, не мстительно – смыслы и денотаты лексем. Месть предполагает однозначную связь причины и действия, посылки и вывода. Абсурд концептуально поливалентен.

В мемуарах Эрнста Юнгера встречаем выписку из «Дневника» Леона Блуа, французского писателя-мистика, близкого к католицизму, добровольца франко-прусской войны: «Кольдинг, Дания. 8 апреля 1900. Вербное воскресенье. Ужасная погода. Сегодня день рождения тупоумного короля Кристиана, и во всей Дании праздник. Его отвратительный зять, принц Уэльский, прибыл в Копенгаген, избежав пули, приготовленной для него в Париже на Северном вокзале. Молодой бельгиец выстрелил в эту свинью и промахнулся. Предпочтительнее их закалывать. Это надёжней и лучше для колбасы!» [4, с. 662]. Вердикт немецкого философа-воина таков: «Чтобы такое записать и паче того – опубликовать (Париж, 1904), нужно иметь чудовищное бесстыдство или маниакальную уверенность в собственной правоте» [4, с. 662]. Второе – вернее. Л. Блуа не циник, не безнравственный человек. Его ремарка не без абсурдных коннотаций (в какой же лавке сбывать колбасу описанного сорта?). Однако нашей симпатией к автору и антипатией к политической клоунаде нелепицы этюда переплавляются в подлинно ценную, диалектическую истину, ту, которая вбирает в себя все свои опровержения, снимая их личностным, экзистенциальным актом.

Абсурд зарождается в историческом, длящемся во времени мире и только тогда, когда событийная диахрония сплющивается в синхронию, когда внимание приковано к прошлому и настоящему, а будущее безразлично или предрешиено. Формула религиозного абсурда: «Это было (некогда, в прошлом) – этого не может быть (никогда) – этого нет (сейчас)». Говоря слогом Тертуллиана, «умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо» [12, с. 166]. Да, умер, что было, хотя этого принципиально не может быть. Умерший Бог – нелепость. Умерший и воскресший Бог – тривиальность. Веры в неумершего Бога может не быть. Веры в невоскресшего Бога быть не может. От истовой религиозности до радикального богоборчества в ландшафте тертуллиановской мысли, в матрице абсурда короткий шаг.

«Бог был – Его не могло не быть – Бога нет» – куда более вызывающая и соблазнительная нелепость. Формула безбожно хроничного, нерелигиозного абсурда: «Это было, но прошло – прошло, но есть – есть вместе с собственно настоящим, чего прежде не было». Временной контекст здесь стужёвывается, перетекает в пространственный. Абсурд подчёркнуто топологичен. Он вызревает, когда в одном событийном месте гнездится не одно событие – несколько, либо всё-таки одно, но взятое вкупе со своими инобытийными сколами. Кучей

бездари бьются за политический престол. Выберем их всех и выдадим одну плацкарту. Усаженные в единственное кресло, они рельефно изобразят правящий гений и властную вертикаль.

В абсурде, вполне может случиться, даёт о себе знать заведомая неуместность любых человеческих помыслов и деяний. Это предельно удручающая ситуация для нас, если люди излишни для универсума, но и её нельзя сбрасывать со счетов. И она должна быть продумана. До конца. «Всё губит, всё отнимает жизнь, даже радость. Но максимум насилия – когда убийца: *всё*. Как таковое» [13, с. 172].

Абсурд (уже совершенно точно) свидетельствует об отстранённости человека от мира. То ли подлинной, то ли мнимой. То губительной, то спасительной. Но и сторонясь отстранённости, встреч с нелепицей не избежать. В опасной близости – «любовь между двумя солипсульками» (см. [14, с. 176]), чуть поодаль – вера в одиноких людей, рождённая из тоски по безымянному братству (см. [15, с. 27]).

В абсурде, как нигде, зрима живость человеческого разума и тщедушие умствования. Возвышенная рационалистическая экспансия ставит человека перед сфабрикованными апориями. Укоренённая в жизни мысль их разоблачает. Вот взвод версальцев, вскинув ружья, целится в обезоруженных коммунаров – а в памяти всплывает рафинированная максима кёнигсбергского трансценденталиста: «Человек для человека – цель и ничем, кроме цели, быть не должен» [16, с. 605]. Абсурд открыто демонстрирует патологию, нигилистический зуд аналитического препарирования сущего. Ампутация налицо данных смыслов, абстрагирование, допустимое контекстуально, в притязании на универсализм превращает концептуальное уродство в норму.

Если брать предмет бесчувственно и безучастно, он непременно предстанет только одной своей стороной, «какая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекрасного человека, вооружаешься анатомическим ножом, рассекаешь его внутренность и видишь отвратительного человека» [17, с. 436–437]. Позитивист любит напоминать, кстати и некстати, «что благоуханная амбра на самом деле экскремент кашалота, а букет цветов, в котором прячет лицо прелестная девушка, на самом деле лишь связка оторванных половых органов растений. Кому нужно это дурацкое *на самом деле?*» [16, с. 607] – недоумевает словесник. Не стоит, однако, сильно переживать: никакая это не всамделишность, а её объективированные, онаученные останки.

Если человечество не изгой, сопротивление нелепице небезнадёжно. Но действовать надо с умом. Опутанным, увы, узаконенными подменами. Под видом своей противоположности абсурд крепко засел, получив культурную индульгенцию, в рассудочном, формально-логическом бинаризме. Нелепостью звучит там душевное «речка движется и не движется», ерундовыми представляются мерцающие оттенки смыслов и пластичное многоцветье образов. Абсурден, впрочем, и полный отказ от чёрно-белого восприятия мира, как нелепа косметическая раскраска старых фотоснимков и кинолент.

Несуразен «третий пол» в сопоставлении с двумя известными – но несуразны и они, коли не озабочены потомством. Любовь между мужчиной и женщиной – апофеоз реальности... и вершина абсурда: и когда она замыкает собою исключительно их двоих, и когда вычерчивает многосторонние геометрические фигуры.

Деление надвое, на две равные части, нелепо своей холодной правильностью, подчёркнутым нейтралитетом, в который рядится банальный цинизм. Рассечение напополам бесцеремонно срывает покровы с неявного, сокровенного. Постмодернистская критика бинаризма небеспопеченна. И пусть психоаналитическая терапия человеческой психики кусает эскулапов за хвост, оборачиваясь ординарной оппозицией «хорошего» шизофреника и «плохого» параноика. Но, похоже, и вправду «не сон разума порождает чудовищ, а, скорее, бдительная рациональность, страдающая бессонницей» [18, с. 179].

Бинарный схематизм комплементарен субъект-объектному дуализму и рефлексии, понимаемой как взгляд на себя со стороны. Несчастливым, больным сознанием диагностируется она в гегелевской диалектике. И небезосновательно. По сути, это разновидность чаемой постмодернистами шизофрении. Вот только слишком примитивная, наверное, да к тому же узаконенная репрессивной культурой. Не выпадов с передовой постмодернизма опасается по большей части строгий рационализм (со стороны виднее? – бросьте, то от лукавого!), а признания своего родства с ним и своей имманентной расколотости.

С абсурда невозможно снять объективную копию: он не существует вне человеческой субъективности. Абсурд не монтируется и чисто субъективными средствами: он нуждается в пустотах и расщелинах объективности, а значит, и в ней самой. Объективно существующая трансцендентность, коли таковая имеется, прямо свидетельствует о нелепой недостатке смысла, хотя бы одного, в себе и в ином: посюстороннему вечно недостаёт потустороннего – и наоборот. Аналогична ситуация с измысливаемой трансцендентностью, если последняя, конечно, изначально не противоречива в определении. Объективность есть застенчиво-циничная трансцендентность. Регулярно вступая в законный брак с учёными мужами, она каждый раз облачается в непорочно-белое платье. Такова реальность, требующая осмысления и подготавливающая почву для развёртывания стратегий концептуализации сущего.

В них всегда вкраплён абсурд. Чаще – позволяющий себя обнаружить, реже – дающий себя изжить. По-разному одинаково нелепы тенденции к приблизительности, расплывчатости описания – и к его монументальной однозначности, прецизионной точности. Реалистическая стратегия стремится преодолеть абсурд. Но не тотально – избирательно. Ликвидировать его как класс всё равно не удастся (если не задаться целью полностью искоренить человеческий род), да и нужды особой в том нет. «Убивая себя, человек отрицает абсурд. Не убивая себя, он с помощью абсурда открывает в повседневности источник удовлетворения, отрицающий сам этот абсурд» [6, с. 222].

Очевидная, броская, эпатирующая нелепость не страшна. Наоборот, она отрезвляющим образом действует на человека. Опасаться следует нелепости неприметной, крадущейся по пятам, замыливающей глаз. Корреспондентских штампов, как и всего эвристического усердия, даже экзистенциально фундированного, для обороны недостаточно. Крайне важен здесь эстетический разворот. Борьба с абсурдом есть борьба с безвкусицей.

Summary

A.N. Fatenkov. Non-Senselessness of Absurd and Limitedness of Strict Thought.

The article sketchily presents an ontognoseological concept based on the following theses. The world is originally full of sense, and absurd is born to the world with the appearance of a human being. Absurd is not a piece of nonsense, but a strange combination of meanings. The value of absurd is not only negative, but positive as well. No thought, even the strictest one, is deprived of absurd. The article states that it is absolutely impossible to get rid of absurd by purely rational means, that is, within predominantly cognitive attitude to the world.

Keywords: subject, world, human being, meaning, thought, absurd.

Литература

1. *Фатенков А.Н.* Стратегии осмысления бытия: реализм в полемике с конструктивизмом и теорией отражения // *Вопр. философии.* – 2011. – № 12. – С. 117–128.
2. *Гераклит Эфесский.* Всё наследие: на языках оригинала и в русском переводе. – М.: Ад Маргинем, 2012. – 350 с.
3. *Кожев А.* Идея смерти в философии Гегеля // *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. Лекции по *Феноменологии духа*, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. – СПб.: Наука, 2003. – С. 657–716.
4. *Юнгер Э.* Излучения (февраль 1941 – апрель 1945). – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 781, [2] с.
5. *Гиренок Ф.И.* Абсурд и речь. Антропология воображаемого. – М.: Акад. проект, 2012. – 237 с.
6. *Камю А.* Сочинения: в 5 т. – Харьков: Фолио, 1998. – Т. 5: Записные книжки (май 1935 – март 1951). – 410 с.
7. *Лифшиц М.* Диалог с Эвальдом Ильенковым (проблема идеального). – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 368 с.
8. *Рембо А.* Праведник (фрагмент) // *Рембо А.* Парижская оргия. – М.: Эксмо, 2006. – С. 118–121.
9. *Беккет С.* Уотт. – М.: Эксмо, 2004. – 416 с.
10. *Ницше Ф.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная Революция, 2005. – 880 с.
11. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. – Л.: Наука, 1990. – Т. 7: Бесы. – 847 с.
12. *Тертуллиан.* О плоти Христа // *Тертуллиан.* Избранные сочинения. – М.: Прогресс, Культура, 1994. – С. 161–187.
13. *Кржижановский С.Д.* Чётки // *Кржижановский С.Д.* Сказки для вундеркиндов. – М.: Сов. писатель, 1991. – С. 168–177.
14. *Мамлеев Ю.В.* Шатуны // *Мамлеев Ю.В.* Другой. – М.: Эксмо, 2006. – С. 5–192.
15. *Юнгер Э.* Сердце искателя приключений: вторая редакция «Фигуры и каприччо». – М.: Ad Marginem, 2004. – 288 с.
16. *Кржижановский С.Д.* Возвращение Мюнхгаузена // *Кржижановский С.Д.* Сказки для вундеркиндов. – М.: Сов. писатель, 1991. – С. 581–685.
17. *Гоголь Н.В.* Портрет // *Гоголь Н.В.* Избранные сочинения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 1. – С. 430–474.

-
18. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.

Поступила в редакцию
17.09.13

Фатенков Алексей Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философской антропологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

E-mail: kfa@fsn.unn.ru